

БИБЛИОТЕКА
СОСР
УЛ. П. ДАНИНА

п798-62

№р
26398

№ 5-й.
1910 г.

4 февраля.
Четвергъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ ГАЗЕТЪ "МОСКОВСКІЙ ЛИСТОКЪ"

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

Изданія 52-й годъ.

„СТИЛЬ НУВО“.

Графъ Н.Т.

- Дорогая, я не буду васъ на рукахъ носить, но буду васъ катать на автомобилѣ..
- Хорошо, я согласна, но съ однимъ условіемъ.
- Съ какимъ-же?
- Чтобы вы автомобиль наполняли цвѣточнымъ одеколономъ, а то я не переношу запаха бензина!

— А вамъ, должно-быть, холодно въ этомъ костюмѣ, Анна Ивановна?

— Да, но зато я *нагрѣла* имъ мужа на четыреста рублей!..

— Матушка, скажи дѣтямъ, чтобы не шумѣли: я изобрѣтаю новой конструкціи аэропланъ, который дастъ намъ миллионъ рублей и прославитъ меня на *цѣломъ мірѣ*!..

— Дуракъ ты, дуракъ! Одно я знаю: это то, что мы пойдемъ изъ-за твоихъ изобрѣтеній *по міру*.

Трактирная музыка.

(Картина).

Трактиръ средней руки; первый часъ ночи.

На эстрадѣ, отдѣланной такъ-называемыми „тропическими растеніями“, никогда незнавшими тропиковъ и въ самыхъ отдаленныхъ предкахъ своихъ, сидятъ музыканты „румынскаго оркестра“, тоже никогда въ Румыніи не бывавшіе, но имѣющіе право жительства въ Москвѣ, и играютъ что-то невообразимо унылое и нескладное.

Музыканты устали, имъ хочется спать; руки утомились отъ смычковъ, губы и легкія—отъ всякихъ духовыхъ инструментовъ, спины—отъ сидѣнья съ шести часовъ, а глаза у музыкантовъ выѣлъ до слезъ табачный дымъ и кухонный запахъ, гдѣ проворные „кавказцы“,—тоже никогда не видавшіе Кавказа,—жарятъ шашлыки изъ такихъ-же „кавказскихъ“ барашковъ.

Публики много.

Большинство пьетъ водку и пиво, закусывая шашлыками съ лукомъ, и запахъ лука „отшибаетъ“ не только ароматъ цвѣтовъ, которыми снабжаетъ ресторанъ всѣхъ „дамъ“, платя дань модѣ, но заглушаетъ даже и всѣ остальные запахи, и только сигара какого-то рижскаго нѣмца борется съ лукомъ и иногда побѣждаетъ его.

Нѣкоторые „аристократы“ пьютъ портвейнъ, закусывая его яблоками и мятными пряниками, и презрительно поглядываютъ на „плебеевъ“, пьющихъ водку.

Гамъ и шумъ, съ трудомъ покрываемые визгомъ непослушной скрипки и яростными ударами въ турецкій барабанъ, которыми музыкантъ мститъ челоѣчеству за свою усталость, за бессонную ночь, за больную жену, которая ждетъ его дома съ заработаннымъ рублемъ...

— Эй, хозяинъ!—кричитъ одинъ изъ гостей, когда оркестръ кончаетъ „номеръ“ и умолкаетъ.—Хозяинъ!.. Человѣкъ, позва хозяина или метръ-д-отеля!..

Подходитъ распорядитель въ смокинѣ, со слѣдами жирнаго шашлыка на рукавахъ и краснаго кахетинскаго вина на открытой груди сорочки, съ лицомъ заспаннымъ, но не потерявшимъ административнаго выраженія.

— Что это ваши румыны ерусалимскіе какую канитель тянутъ?—спрашиваетъ гость.—Можетъ, у нихъ поминки сегодня по какому нибудь румынѣ, такъ сви и воютъ?.. Намъ, братъ, поминки ихнихъ не надо, намъ повеселѣй что-нибудь...

— Попурри изъ популярныхъ оперъ они играли,—объясняетъ распорядитель.—Вещь, многими обожаемая...

— Кѣмъ обожается-то?.. Самоубивецъ, можетъ, какой-нибудь обожаетъ, утопленникъ или удавленникъ...

— Помилуйте-съ!..

— Да ужъ вѣрно!.. Нашатырнаго спирта никому не подавали, никто не требовалъ?..

— Пардонъ, мусье, у насъ этого въ меню нѣтъ...

— Ну, а нѣтъ, такъ съ собою какой-нибудь самоубивецъ принесъ... Заказалъ вотъ этотъ маршъ похоронный, прослушаетъ да нашатырнаго спирта и хватитъ... Вели ты имъ что нибудь веселое сыграть, житейское, а не кладбищенское... „Во лузяхъ“ могутъ?..

— Вѣроятно-съ... У нихъ репертуаръ обширный...

— Не очень, стало-быть, обширный, ежели три часа подрядъ какую-то грусть играютъ.. Скажи, чтобы „Во лузяхъ“ или „Камаринскаго“ сыграли, а то мы ходитъ не станемъ, право!..

— Ежели „Во лузяхъ“ играютъ, такъ я прикажу, а „Камаринскаго“, извините, нельзя-съ...

— Почему?..

— Невозможно съ!.. Какъ заиграютъ „Камаринскаго“, такъ сейчасъ съ трехъ, съ четырехъ столсъ добровольные плясуны объявляются, а намъ этого допускать невозможно... Музыка чрезвычайно заразительная-съ... Вотъ „какъ-вокъ“ тоже теперь пошелъ публику смущать,—какъ заиграютъ, такъ либо дама, либо навалеръ, сорвутся съ мѣста и пойдутъ откалывать, а у насъ приставъ весьма сурезный

Предусмотрительно.

— Ты что-же это ранецъ съ собой таскаешь? Вѣдь, ученя нѣтъ...
— А я сегодня именинникъ, и мнѣ папаша подарилъ рубль. Вотъ я накупилъ Шерлока Холмса, Ната Пикертона и Нича Картера, а чтобы ихъ у меня не отобрали, я и запряталъ ихъ въ ранецъ.

— Вотъ, Вѣрочка, и я былъ когда-то такимъ-же молодымъ и красивымъ!..
— Возможно, но я, несчастная, не могла быть въ то время твоею женою, такъ какъ не родилась еще!..

господинъ и, ежели что,—можетъ запростоколоть. .

— „Во дузяхъ“ заиграютъ, такъ тоже запляшутъ,—замѣчаетъ другой гость.—Я самъ грѣшнымъ дѣломъ намеренно плясалъ въ „Ливорнѣ“ подъ эту пѣсню, насилу вывели меня.. Тверезый, конечно, не станеть плясать, а ежели выпимши, такъ пойдетъ!..

— Выпимшій, извините, подъ любую музыку пойдетъ!—возразилъ первый.—Вчера тутъ-же вотъ, заиграли „Пой, ласточка, пой“—вещь прямо меланхолическая, а картузникъ Ластиковъ и пошелъ съ двумя дамами кадрилию ходить!.. Не музыка, извините, плясать заставляеть, а—вино!..

Распорядитель уходитъ и приказываетъ музыкантамъ „что-нибудь веселое“.

Играютъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“.

— „По-о о-ши ы-ы-рокому-у-у раздоль-ю ю! — сейчасъ же и подхватываетъ удивительно благообразнаго, почти индонезійскаго вида, но совершенно пьяный торговецъ.

— Фи, невѣжество какое!—замѣчаетъ съ сосѣдняго стола „дама“, премированная цвѣтами, но пьющая водку.—Какое мужицкое времяпрепровожденіе!.. У насъ на Соляннѣ въ ресторанахъ тоже оркестръ, но тамъ только оперетки и шансонетки играютъ!..

— „Взбу у-у-шевлася по го-о-о...“

— Прекратите, господинъ, нельзя-съ!—подходитъ распорядитель.

— Чго-о?.. Ты кто?..

— Я распорядитель!..

— Ты патриотъ, али жуликъ?.. Какой ты націи?.. Ежели ты изъ Бердичева, такъ я тебя сейчасъ очинно обидѣть могу по моему патриотизму, а ежели ты отъ насъ съ Волги, такъ пой и самъ!.. „Ничего-о-о въ волнахъ не ви... Ахъ, да не видно!..“

— Будьте добры прекратить, а иначе я принужденъ вывести васъ... Вонъ дама обижаются!..

— Дама?.. Гдѣ дама?.. Это дема?.. Ежели это дема, такъ я тузъ, а тузъ даму бьетъ!..

И „тузъ“ побилъ-бы даму, но искусившійся въ такихъ дѣлахъ распорядитель ловко подхватываетъ его въ самое время, двое слугъ тоже въ самый нужный моментъ поспѣваютъ на помощь, и „патриота“ „вынесеть“ изъ зала.

— Несите, несите, а два рубля семь гривенъ за водку и за шашлыкъ я вамъ не отдамъ!—кричитъ онъ.—Свать Козьмичъ, нажилъ я, братъ, два рубля семь гривенъ!..

— Меланхолію какую-нибудь!—приказываетъ музыкантамъ хозяинъ.

Музыканты играютъ иѣчто до того снотворное, что одинъ половой, убѣгавшій съ утра до потери сознанія, облакачивается спиною о притолоку двери и засыпаетъ.

Засыпаютъ иѣкоторые изъ гостей.

— Двинь въ барабанъ, Абрамъ Моисейчъ, — тихонько гворитъ хозяинъ турецкому барабану.

Трррахъ!..

Половой бросается впередъ и хватаетъ у гостя только-что поданный „черкесомъ“ шашлыкъ, а задремавшіе гости встряхиваются и дико озираются.

— Караулъ!—кричитъ какой-то субъектъ, давно уже переставшій занимать своихъ двухъ дамъ и побѣжденный рябиновкою и пивомъ.

— Заснули, Борисъ Терентьевичъ?.. Сонъ видали?—спрашиваютъ дамы.—Свалила васъ рябиновка-то!..

— Не рябиновка, а атмосфера очень сурьезная!.. Эй, дайте воды сельтерской и счетъ!..

— Да-съ, трудно музыкальный репертуаръ по нашему мѣсту составить!—жалуется хозяинъ какому-то гостю.—Одно тѣмъ неудобно, другое—другимъ, а безъ музыки никакъ невозможно,—конкуренція!.. Молодчики, начинайте электричество тушить!..

Записки сумасшедшаго.

Мѣсяца забвенія думскихъ традицій, въ недѣлю о Булановѣ, 45 минутъ Гучкова.

** Идемъ мы какъ-то мимо городской Думы и видимъ, что гласный Булановъ выносить корзину съ соромъ и выбрасываетъ соръ на улицу.

Мы къ нему:

— Что вы дѣлаете? Развѣ можно выносить соръ изъ избы?

Онъ намъ:

— Охъ, — говорить, — нестерпимъ, не продохнуть отъ сора, до потолка соръ накопился!

— Такъ что-жь, стойте-ли одну корзину выносить?

Верхъ скромности.

— Я завтра, хозяинъ, женюсь.

— Ну, такъ, что-же?

— Не разрѣшите-ли вы мнѣ присутствовать при моемъ вѣнчаніи?

— А, можетъ, другіе моимъ примѣромъ заразятся да тоже по корзиночкѣ вынесутъ, да такъ понемножку и очистятъ.

— Ну, врядъ-ли! Тамъ говорятъ, что вы поправили добрыя думскія традиціи...

— Пусть такъ, а все-же одной корзиной сора меньше.

Мы, сумасшедшіе, согласились съ почтеннымъ г. Астровымъ, говоруномъ 96-ой пребы, что сора выносить не слѣдуетъ.

Да и что хорошаго: всю Воскресенскую площадь соромъ заваливать!

** Въ московской городской Думѣ все недоразумѣнія съ городскимъ ломбардомъ.

Рѣшили мы внести самое рациональное предложеніе.

Мы предлагаемъ уничтожить ломбардъ и командировать товарища городского головы г. Брянскаго въ Лондонъ для заключенія милліарднаго займа.

По возвращеніи г. Брянскаго съ деньгами въ Москву, собрать всѣхъ неимущихъ, раздать имъ деньги и отобрать подписки, что они больше въ ломбардъ не нуждаются.

Скоро, справедливо и милостиво!

** Вчера удостоились поглядѣть собаку „Трефъ“.

Спрашивали ее:

— Какъ это вы такъ нанюхиваете преступниковъ?

Молчитъ.

— Чѣмъ изволите руководиться при этомъ?

Молчитъ.

— Какимъ способомъ открываете преступниковъ?

Молчитъ.

Дипломатъ собака: во-время молчать умѣетъ.

Немногіе даже дипломаты этою способностью обладаютъ.

Мы-бы могли даже привести примѣры болтливости дипломатовъ, да не хотимъ утокъ дразнить.

Вы спросите, почему мы говоримъ вмѣсто дразнить гусей — дразнить утокъ? Это потому, что болтливый дипломатъ благодаря своей болтливости утокъ разводитъ.

** Вчера посѣтили сидящаго въ заключеніи одного знакомаго интенданта.

— Скучно вамъ?!

— Да, — говорить, — скучно, привыкъ къ дѣятельности, а теперь всего ничего.

— Такъ-таки ровно ничего не дѣлаете?..

— Вотъ пробую стихи писать, да ничего не выходитъ. Некому рими поставлять, а я безъ поставки ничего не могу.

— Что-же вы написали?

— Да вотъ началъ:

Дожидались мы барина,
Господина Гарина,
Имъ намъ жизнь ошпарена..

А дальше ни тпру, ни ну..

Нашъ поэтъ Лафетъ предиктовалъ ему „Пѣсню интендантовъ“, въ моментъ сочиненную:

Куда, куда вы удалились
Златые дни былой весны?
На насъ обрушились невзгоды
И мы въ тюрьмѣ сидѣть должны!..

Прощай, крупа, мука и мясо,
Прощай, овесъ, прощай, сукно..
Прощайте, взятки и подряды,
Намъ больше брать не суждено!..

Теперь у насъ однѣ заботы,
Какъ тамъ умиловитъ власть,
Чтобъ въ арестантскія намъ роты
Всѣмъ не попасть, всѣмъ не попасть..

Интендантъ прослезился и сталъ тихо напѣвать пѣсню на мотивъ аріи Ленскаго изъ „Евгенія Онѣгина“.

Поприщинъ 2-й.

„Высшее образованіе“.

— Зачѣмъ ты учишься „матчишь“ танцовать?
— Можетъ-быть, скорѣе замужъ выйду: отъ дѣвицъ теперь требуютъ „высшаго образованія“.

Отблагодарилъ.

(Съ натуры).

Какой-то оборванецъ, съ лиловымъ носомъ и сильнымъ букетомъ „казенки“, стоитъ на перекресткѣ двухъ многолюдныхъ улицъ и выпрашиваетъ милостыню.

Проходитъ франтъ въ цилиндрѣ и въ пенсѣ на носу.

— Подайте, ваше благородіе, бывшему интеллигенту, сѣмъ бывшее время въ цилиндрѣ ходилъ, по цѣлковому такимъ пролетаріямъ, какъ я, подавалъ...

Франтъ, желая прекратить потокъ краснорѣчія „бывшаго интеллигента“, роется въ карманахъ и, найдя какую-то мѣдную монету, поспѣшно суетъ ее нищему.

Тотъ подбрасываетъ на рукѣ нѣсколько разъ монету и кричитъ вдогонку франту:

— Переднимъ-то глазамъ дай Богъ здоровья, а заднимъ хлѣбы лопнуть!.

Азъ.

ШУТКИ.

— Я очень мало получаю жалованья, господинъ директоръ, — сказалъ директору театра маленькій актеръ. — Я совѣмъ отоцалъ...
— Гм!.. Хорошо, я постараюсь давать вамъ тѣ роли, въ которыхъ на сценѣ ѣдятъ, — отвѣтилъ директоръ.

— Какой вы счастливый! — крикнулъ одному глухому господину, слушающему исполненіе любительскаго оркестра въ слуховую трубку, сосѣдъ на великосвѣтскомъ вечерѣ.

— Чѣмъ-же это? — спросилъ глухой.

— Да въ каждую данную минуту вы можете отнять трубку отъ уха и не слушать, не нарушая приличій...

— Мой баринъ поднесъ невѣстѣ въ день ея ангела букетъ, который стоитъ двадцать пять рублей, а твой своей невѣстѣ только стихи въ альбомѣ написалъ! — говорилъ одинъ лакей другому.

— Да, но мой баринъ за эти стихи то его сочиненія заплатилъ сочинителю сорокъ рублей! — съ гордостью возразилъ другой лакей.

Шутъ Нинъ.

Из переписки двух друзей.

(Современная история).

Милый Саша! Что-же это, родной мой, тебя не видать вот уже два дня? Уж не захворал-ли, голубчик? Да хранить тебя Создатель во всех путях твоих! Только недѣля прошла съ того незабвеннаго дня, въ который мы выпили съ тобою „на брудершафтъ“, а я ужъ люблю тебя, какъ стариннаго друга, мой хорошій!.. Дай-же мнѣ, дорогой, вѣсточку о себѣ, а то я умру отъ неизвестности! Я зашелъ-бы къ тебѣ, но у меня такая масса работы, что дыхнуть некогда, а ты живешь очень далеко, да и не знаю я твоихъ часовъ, когда ты дома и свободенъ. Впрочемъ, если ты черкнешь мнѣ словечко и позовешь выпить съ тобою у милого, симпатичнаго самоварчика стаканчикъ чайку, а потомъ побесѣдовать за добрымъ графинчикомъ, такъ я брошу всѣ дѣла, брошу домъ, жену и лѣтей и прискачу къ тебѣ „на крылахъ любви“. мой милый, хорошій Саша!.. Жду вѣсточку. Твой по гробъ Иванъ Бунтаревъ.

Безцѣнный Ваня! Получилъ твое любезное письмецо и плакалъ отъ умиленія!.. Какъ ты меня любишь, мой любезный Ванюшечка, какой ты душевный человекъ, мой толстунчикъ Ваня!.. Ты пишешь, что собираешься ко мнѣ, но зачѣмъ-же ты, душенька, будешь утруждать себя путешествіемъ съ Зацѣры на 1-ю Мѣшанскую?.. Родной, мнѣ жаль тебя!.. Не лучше-ли намъ сойтись гдѣ-нибудь въ центрѣ? Всего-бы лучше въ маленькомъ, недорогомъ ресторанчикѣ на Неглинномъ, у Банка, куда насъ обоимъ доставить трамвай, тамъ проходяшіе, но ты вѣдь, знаю я, гастрономъ и любишь шикъ, а потому приѣзжай, наприкладъ, къ Тѣстову, гдѣ и назначь мнѣ свиданіе. Милый, я гордъ и самолюбивъ, я никогда никому не позволю угощать меня, но для такого друга — то я, конечно, сдѣлаю исключеніе и развѣщаю тебѣ угостить меня, мой любезненькій!.. Знаю, что доставлю тебѣ этимъ удовольствіе, и это радуетъ меня. И такъ, я жду назначеннаго тобою дня. Впрочемъ, если ты не охотникъ до ресторановъ, такъ я приду къ тебѣ. — да, да, я приду, а не ты, ибо я обязанъ сдѣлать тебѣ визитъ, какъ къ человеку, старшему лѣтами, и какъ къ другу, коего я не желаю, не смѣю, не хочу утруждать длиннымъ путешествіемъ!.. Жду письма и примчусь, куда прикажешь, а до этого радостнаго письма буду воскрешать въ своей памяти дорогія черты твоего лица! Преланный, уважающій и любящій Александръ Восьмигласовъ.

— Еще только начало февраля, а вы ужъ такъ легко одѣты!..
— Мнѣ-то докторъ предписалъ самую легкую одежду, а вотъ вы почему налегкѣ, почтеннѣйшіи?
— Да тоже изъ-за доктора одного, который обыгралъ меня въ Нѣмецкомъ клубѣ до послѣдней копѣйки!..

Милый Сашурчикъ! Радъ-бы посидѣть съ тобою и выпить, и закусить, и раздавить бутылочку шампанскаго, но прихворнулъ, мой голубчикъ, и лежу!.. А за то, что ты считаешься визитами, я тебѣ, шалунишка, уши надеру!.. Ай, ай, какой стыдъ!.. Да развѣ я позволю, чтобы ты тащился ко мнѣ за тридевять земель и трагился на извозчика? Ни за что на свѣтѣ!.. Лучше-же я приѣду къ тебѣ, когда поправлюсь, — вѣдь у меня свои лошади. Конечно, я послалъ-бы и за тобою лошадь, но каналья-кучеръ одну опоялъ, другую заковалъ, а самъ, негодяй, запилъ!.. Нѣтъ, вѣтъ, не утруждай себя, а кромѣ того я лежу, и докторъ не велѣлъ мнѣ никого принимать. Ну, до свиданія пока, мой ангелъ! Когда поправлюсь, такъ извѣщу тебя, и назначимъ свиданіе. И знаешь гдѣ? У Филиппова на Тверской!.. Мѣсто центральное, удобно тебѣ, удобно мнѣ!.. Выпьемъ по стакану чаю, заплатимъ каждый за себя, чтобы не оскорбить самолюбія другъ друга, и разойдемся до новаго ра-

достнаго свиданія тамъ-же. Твой навсегда, готовый положить за тебя жизнь Иванъ Бунтаревъ.

Родной мой Ваня! Съ замираніемъ сердца, какъ влюбленный, ожидающій возлюбленную, буду ждать тебя у Филиппова во вторникъ на той недѣлѣ, если къ тому времени поправится драгцѣнное здоровье твое. Что съ тобою, родненькій?.. Какъ-же тебѣ не стыдно не беречь себя, если ты знаешь, что тебя любятъ до самоубвенія?.. Ай, ай, родной мой!.. Голубчикъ мой, это письмо мое доставить тебѣ мой родственникъ, которому пишу тебя и учить двадцать пять рублей, нужныхъ мнѣ сейчасъ до-зарѣза. Двадцатаго числа сего мѣсяца я возвращу тебѣ эту сумму и расплѣую тебя. И такъ, жду у Филиппова во вторникъ. Знаю, что несказанно обрадовалъ тебя, давая возможность въручить друга. Твой безраздѣльно Александръ Восьмигласовъ.

Милостивый государь Александръ Ардальевичъ! Мнѣ ужъ глѣзаетъ ваша просьба о деньгахъ къ человеку, котораго вы такъ недавно еще знаете. Я принципиально не даю никому денегъ и просьбу вашу считаю поступкомъ векорректнымъ, неблаговиднымъ, какъ посягательство на чужой карманъ. Примите увѣреніе и проч. Иванъ Бунтаревъ.

И свинья-же вы, Иванъ Бунтаревъ!.. Совсѣмъ васъ не уважающій Александръ Восьмигласовъ.

Р. S. Вы, скотоподобный Иванъ, удивлены, что это письмо написано не почеркомъ Восьмигласова, да?.. Да вѣдь онъ не дуракъ, онъ вѣдь знаетъ, что вы, съ вашей мялкой душонкою, сейчасъ къ мировому съ письмомъ — то!.. Ха-ха-ха!.. Писала сіе письмо писака, а читаетъ его собака!..

На этомъ переписка друзей и окончилась.
Съ-Муа.

Сравняемъ.

— Надя, ты выходишь замужъ за Горицына?
— Да, выхожу!..
— Но вѣдь это-же неравный бракъ. Ты старше его на семь лѣтъ!..
— Это ничего не значить!.. Какъ начнутъ мои портнихи его донимать счетами, такъ онъ у меня живо состарится. И года не пройдетъ, какъ мы лѣтами сравняемся!..

Грибъ.

Вопросы и отвѣты.

— Чѣмъ погоняютъ лошадь?
— Кнутомъ.
— Чѣмъ погоняютъ моторъ?
— Бензиномъ.

— 0. —

Послѣ брака.

Она. — Это, однако, чортъ знаетъ что!.. За тобой обѣщали двадцать тысячъ, а дали всего пять!..
Она. — Ну, ничего!.. до развода хватитъ!..
Она. — До развода, пожалуй, хватитъ, но кто-же будетъ платить за разводъ?

Грибъ.

Тоже любитель.

— Вы любите животныхъ, Петръ Павловичъ?
— Даже очень!.. Наприкладъ, почку теленка, бифштексъ изъ быка, окорокъ свиной, сѣдло баранье, ветчину медвѣжью и рагу изъ зайца.

Борода.

УСПОКОИЛЪ.

— Что-жь это вы, тестюшка, приланымъ меня обсчитали, а сами курите сигары по рублю за штуку!
 — Успокойтесь,—это самыя дешевыя сигары, по рублю за сотню, а только этикетка на нихъ съ дорогихъ сигарь...

СЪДОКЪ И ИЗВОЗЧИКЪ.

(Сценка съ натуры).

Три часа утра.

Изъ одного изъ домовъ Дорогомилсва выходитъ господинъ и нанимаетъ извозчика.

— Къ Андроньевскому монастырю!

— Полтинникъ.

— Давай!

Съдокъ сѣлъ, извозчикъ застегнулъ полость, передернулъ возжами и затрусилъ.

Бдутъ. Путь дальній, дорога ухабистая, укачиваетъ. На Серпуховской площади лошадь, заѣвъ за фонарь, остановилась. Извозчикъ проснулся и оглядѣлся кругомъ.

— Это гдѣ-же я?.. На Серпуховской площади... Постой!.. Теперь куда-же?.. Ъхать-то куда-же?..

Оглядывается и, увидя, что съдокъ спитъ, трогаетъ его за плечо.

— Баринъ, а, баринъ!..

Тотъ не просыпается.

— Господинъ, а, господинъ!.. Нешто можно спать?..

Съдокъ просыпается.

— А!.. Что?.. Пріѣхали?..

— Ничего не пріѣхали, а я забылъ, куда вы нанимали...

— Да ты куда заѣхалъ?

— На Серпуховскую площадь.

— Да зачѣмъ-же на Серпуховскую площадь?..

— А за тѣмъ и на Серпуховскую, что вы спите, а я забылъ, куда вы нанимали!..

— Къ Андроньевскому монастырю!..

— Эвона кула! Дешевле семи гривенъ отсюда не поѣду!..

— Да я, что-ли, заѣхалъ чортъ знаетъ куда!..

— А то кто-же?.. Нешто полагается съдоку спать въ саняхъ?.. Сани не номеръ въ гостинницѣ!.. Если-бы вы не заснули, развѣ-бы я заѣхалъ на Серпуховскую площадь?.. Слава Богу, я знаю, гдѣ Андроньевскій монастырь.

— Такъ ты заснулъ!..

— Забылъ я, куда ѣхать!.. Ну, забылъ и ѣду!.. Лошадь, извѣстно, къ дому!.. На Серпуховской мы стоимъ!.. А вы спите!.. Нешто такъ можно?.. Я отсюда дешевле семи гривенъ не поѣду!.. Съдокъ и извозчикъ заспорили!..

Пришлось, однако, гривенникъ накинуть и уже не засыпать!..

Маіоръ Бревновъ.

НЕВѢРНЫЙ СЧЕТЪ.

— Что это вы съ ума сошли, что записали за пять паръ подметокъ!.. Вы дѣлали всего одинъ подметки.

— Да четыре пары износилъ, пока за деньгами ходилъ.

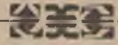
Зайчикъ.

Южъ.

— Слышалъ ты, что Кукъ сошелъ съ ума, когда его уличили, что онъ вовсе не былъ на Сѣверномъ полюсѣ?

— А мнѣ кажется, онъ сошелъ съ ума въ то время, когда увѣрилъ самъ себя, что онъ былъ на полюсѣ.

Борода.

Сложныя обязанности.

— Что тебя, Ваня, нигдѣ не вилю?
— Охъ, братъ, занятъ... По горло занятъ.

— Чѣмъ?
— Съ тремя купцами познакомился: съ однимъ завтракаю, съ другимъ обѣдаю, съ третьимъ ужинаю. Просто ни минуты покоя. Не дай Богъ имѣть сложныя обязанности.

Зайчинъ.

Авиаторъ.

— Какъ, ты выходишь за этого уродавиатора?

— Да...

— Но онъ, какъ завоеватель воздуха, прямо маниакъ.

— И прибавь: богатый...

— Но что ты выигрываешь?..

— Онъ сдѣлалъ въ мою пользу духовное завѣщаніе, я его поощряю на совершеніе полетовъ и убѣждена, что не сегодня, такъ завтра онъ сломаешь себѣ шею...

Я самъ.

Родные.

Шестилѣтній Сеня входитъ въ гостинную съ лошадкой въ рукѣ и подходитъ къ своей сіяющей сестрѣ.

— Тебя ужъ объявили невѣстой?..

— Да...

— Значитъ, мы съ твоимъ женихомъ родные?

— Да.

Сеня переходитъ къ жениху.

— Поздравляю... Мы теперь родные... Вы вѣдь ветеринаръ?

— Да, родной...

— Такъ вотъ я сломалъ своей лошади ногу... Вылѣчите ее, какъ родной, даромъ...

Зайчинъ.

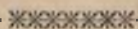

Изъ современнаго репертуара.

Цѣлый „Мѣсяцъ въ деревнѣ“ жили „Три сестры“, гуляя въ сопровожденіи „Дяди Вани“ и „Иванова“ въ „Вишневома саду“. Вдругъ передъ ними три незнакомца, на лицахъ которыхъ были „Черныя маски“. Всѣ перепугались, но оказалось, что нечего было пугаться, ибо это были „Анатѣма“, „Сатана“ и „Мелкій бѣсъ“, — глупыя „Дѣти XX вѣка“, цѣна каждому изъ нихъ „Нуль“. Во время встрѣчи „Трехъ сестеръ“ съ „Черными масками“ явилась „Анеиса“, соблазнила „Мелкаго бѣса“, и у нихъ родилась „Малютка-свинья“...

Занулисная крыса.

Въ наше время.

Куда и зачѣмъ вы ни придете, если у васъ есть дѣло или тяжба, или просьба, вамъ всюду говорятъ:

— Все будетъ скоро готово, одного документа не хватаетъ...

— Какого именно?

— А того самаго, который у васъ въ боковомъ карманѣ въ бумажникѣ находится.

Зайчинъ.

На каткѣ.

Катаются хорошенькая брюнетка и глуповатаго вида блондинъ.

— Марья Васильевна! — восклицаетъ блондинъ. — Ваше сердце несомнѣнно сдѣлано изо льда: оно холодно и крѣпко, какъ ледь.

— Не знаю, изъ чего сдѣлано мое сердце, но что ваша голова сдѣлана изо льда — это несомнѣнно: она прозрачна и просвѣчиваетъ, какъ ледь.

Изъ монолога.

... Вотъ вѣдь, кажись, и не вѣнчаны, а живутъ, какъ мужъ съ женой, то-есть дня не проходитъ, чтобы она его не излаяла, а онъ ей волосья не вытаскалъ...

Бобъ.

Изданіе Т-ва Н. И. Пастухова.
Редакторъ В. К. Ивановъ.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ къ
„МОСКОВСКОМУ ЛИСТКУ“
и въ „Развлеченіе“
по 25 коп. за строку петита.

Ресторанъ „ЯРЪ“.
ЕЖЕДНЕВНО
НЕБЫВАЛАЯ ГРАНДИОЗНАЯ ПРОГРАММА
25 номеровъ.
Начало въ 10½ часовъ вечера.